

С.А. СЕЛИВАНОВА

**ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СВЯЖСКОЙ
И АЛАТЫРСКОЙ ПРОВИНЦИЯХ В 1722-1781 ГГ.:
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

Ретроспективный анализ политико-административного управления России сегодня становится необходимым, особенно если учесть, что в муниципальном управлении современного российского государства происходят важные изменения. Большое значение имеет уникальность отечественного исторического опыта в сфере городского самоуправления, без глубокого изучения которого невозможен поиск путей становления новых форм управления.

В указанные хронологические рамки посадское самоуправление в городах региона представляли магистраты. Они были учреждены в 1722 г. по регламенту Главного магистрата. Глава пятая регламента гласила, что города должны были быть разделены на пять групп для определения количества бургомистров (начальников магистратов) в каждую группу. К первой группе относились большие крупные города, ко второй – города с населением от 2000 до 3000 дворов; к третьей – 500-1000 дворов; к четвертой – 250-500 дворов; к пятой – менее 250 дворов [1]. В 1722-1724 гг. в Свяжской и Алатырской провинциях городов первой и второй групп не было. Города Чебоксары и Козьмодемьянск относились в третьей группе, Свяжск и Алатырь – к четвертой, а все остальные города (Царевкокшайск, Царевосанчурск, Яранск, Цивильск, Ядрин, Курмыш) вышеназванных провинций – к пятой группе. По регламенту Главного магистрата получалось, что в Чебоксарском и Козьмодемьянском, Свяжском и Алатырском магистратах определялось по два бургомистра, в прочих городских магистратах этих двух провинций – по одному [2]. Следующий указ относительно магистратов вышел в 1724 г. и являлся инструкцией новых органов. Из нее мы узнаем, что существовали провинциальные и городские магистраты. Инструкция рисует круг обязанностей провинциального магистрата следующим образом: передача в городские магистраты распоряжений и указов Главного магистрата; следствие по различным делам на основе уложения и регламента главного магистрата; перепись граждан города, разделение их на первую и вторую гильдии и категорию подлых людей; выбор старост, десятских, правильное распределение тягла в зависимости от имущественного состояния; составление окладной книги для каждой гильдии, объявление о неокладных сборах, пересылка окладных книг, недопущение недоборов; учреждение ярмарок и мануфактур, забота о цехах, выдача паспортов, слежение за порядком сборов и многое другое [3]. Таким образом, законодательный источник показывает широкий спектр деятельности новоучрежденных магистратов.

По архивным данным можно проследить за процессом воплощения инструкции в жизнь. В частности, материалы Чебоксарского магистрата свидетельствуют, что в первые годы своего существования магистрат действительно выполнял различные дела, предписанные ему инструкцией. Так, например, члены магистратов судили посадских людей по гражданским делам, рассматривали споры между посадскими людьми и крестьянами [4]. Материалы фонда содержат также книги записи разных оброчных статей, распоряжения по указам вышестоящих органов [5]. В одном из дел хранятся сведения о переписи 1721-1722 гг. города Чебоксары с указанием разделения людей по категориям и с прописанием количества тяглых дворов и людей, а также с указанием торгов и промыслов [6].

Помимо соответствия своим служебным полномочиям магистратов нас интересует вопрос об их политической роли в данный период. В каких-то вопросах магистраты имели самостоятельность. В других вынуждены были подчиняться органам государственного управления. Необходимо детально обрисовать круг прав и обязанностей магистратов и магистратских чинов.

Приступая к анализу магистратских материалов, следует помнить, что наибольшее развитие магистратов наблюдалось в тех городах, где имелась большая посадская община. В изучаемом нами регионе это характерно для городов Алатырь, Свияжск, Чебоксары. Конечно, это не означает, что в остальных городах магистратов (ратуш) не было, но их деятельность не была столь заметной, как в вышеперечисленных городах. Именно поэтому следы их политической жизни остались в редких памятниках письменного делопроизводства, тогда как городские магистраты Алатыря, Чебоксар оставили многочисленные свидетельства своей работы.

Исследуя деятельность магистратов, также не стоит забывать, что реформа 1726-1727 гг. внесла изменения в положение магистратов. Ею были ликвидированы некоторые из местных органов и учреждений, упразднен Главный магистрат, а городские магистраты были подчинены губернаторам и воеводам. Компетенции магистратов, переименованных в ратуши, значительно сократились. Позже, в 1743 г., Главный магистрат вновь был восстановлен, а ратуши в 1744 г. переименованы в магистраты.

Основные функции посадского управления оставались неизменными вплоть до утверждения Екатериной II Жалованной грамоты городам в 1785 году. Магистраты и ратуши, прежде всего, выполняли финансовые функции, что превращало их, по существу, в государственные учреждения. Все финансовые операции записывались в специальные книги, представлявшие собой журналы учета вложения и изъятия средств.

Очень часто магистраты разбирались в финансовых исках посадских купцов. В документе Чебоксарского магистрата за 1773 г. читаем: «При прошении от чебоксарских мещанина Степана Кожевникова и помытчика Ивана Бронникова приняты два подлинных векселя с протестами по объявлению суммами; первой на сто четырнадцать рублей восемьдесят копеек, со второй – на пятьдесят рублей» [7].

Алатырский провинциальный магистрат тоже занимался разбором протестов по векселям. Подобных дел в фонде магистрата немало и все документы составлены по единой форме. В оригинале векселя указываются место, дата, сумма, податель документа. Например, в источнике сказано: «Город Алатырь. 1771 года, июня 22 дня, вексель на 100 рублей в месяц и в восемь дней счетом от сего 1771 году июня 22 числа по сему моему одинаковому векселю повинен заплатить Алатырской провинции регистратору Козьме Петровичу господину Зеленину, или он кому прикажет, указною ходячею российскою серебряною монетою вышеописанное число денег сто рублей. Векселедавец купец алатырской Александр Михалев сын Протопопов подписался своею рукой» [8]. В протесте по этому векселю отмечено, что этот купец, не заплатив денег, уехал в Арзамас по своим делам. Регистрация векселей, разбор протестов по ним являлись важными составляющими деятельности магистратов.

Судя по документам, магистраты городов ведали сбором таможенных (до 1754 г.) и многих других оброчных сборов и пошлин. Сбор различных статей определялся законом. По указу от 12 мая 1736 г. все сборы, ранее собираемые верными сборщиками, переходили в ведение магистратов и ратуш [9].

Указ от 19 сентября 1745 г. предписывал все собранные деньги отдавать в провинциальные и городские воеводские канцелярии, рапортуя о сумме сборов в губернскую канцелярию и Камер-коллегию. Воеводы, в свою очередь, обязывались также посылать рапорты с указанием общей принятой суммы [10]. Подотчетность магистратов воеводам в финансовом отношении ставила органы посадского самоуправления в подчиненное положение по отношению к уездной и провинциальной государственной администрации.

Перечень таможенных и оброчных сборов по разным городам был одинаковым, менялись лишь суммы сборов. Чем больше был город, тем более его магистрату надлежало собрать. Например, в 1730-х годах численность населения г. Цивильск была больше, чем г. Царевококшайск. Соответственно, по доношению цивильского ратушского бурмистра Ивана Полстовалова, за январскую треть 1730 г. было собрано 109 руб. 79 $\frac{1}{4}$ коп. таможенных пошлин, тогда как в Царевококшайске этот же показатель равнялся 73 руб. 66 коп. [11]. Таможенные пошлины брались с пропуска вина, продажи коней, с постоянных дворов, лавок и магазинов [12].

Из документов следует, что на магистраты была возложена продажа предметов государственной монополии: соли, вина, табака, а также реализация казенных подрядов вина, хлеба и тому подобное. Органы посадского управления направляли людей из своего ведомства по казенным подрядам на иногородние отъездные службы. Промемории и доношения относительно посадских отправлялись не только по городам Свияжской и Алатырской провинций, но и во многие города России: Самару, Ярославль, Кострому, Астрахань и другие. Это свидетельствует о хорошо налаженных торговых связях между купцами и об отлаженной переписке между магистратами.

Магистраты и ратуши обязаны были выдавать паспорта посадским людям и цеховым, оформлять «проезжие», «верющие» и «свидетельственные» письма для ведения торговли и вести нотариальные записи.

Для продажи соли и вина при магистратах состояли кружечные дворы, соляные амбары, магазины и склады. Для работы в них из посадских людей выбирались бурмистры, ларечные и целовальники. Собрание ведомостей о продаже соли Алатырского провинциального магистрата свидетельствует, что в его стенах заполнялось несколько видов документов: приходные книги, расходные счета, рапорты о продаже соли, о количестве оставшегося продукта. Аналогичная документация составлялась и другими магистратами региона. Лица, ответственные за винную продажу, составляли схожие документы и заверяли их в магистратах. Например, в 1756 г. ядринский кружечный двор подал свои сведения в Ядринскую ратушу, на основании которых последняя подготовила ведомость о продаже простого и двойного вина за 1756 г., а также ведомость о количестве имеющегося вина на кружечном дворе [13].

В обязанности магистратов входила подготовка ежемесячных отчетов о хлебных ценах и ценах на другие виды товаров в каждом городе. Судя по документу, составление подобных ведомостей стало регулярным лишь во второй половине XVIII в. Чем более был развит город в торговом отношении, тем больше сохранилось свидетельств о ценах. В целом, все, что касалось торговли в городе, относилось к ведению магистратов.

Вторая группа функций магистратов условно может быть названа административно-полицейской. Однако удельный вес этой группы в общем объеме деятельности магистратов изучаемых провинций невелик. Магистраты записывали в сословие мещан городов жителей из других городов (после 1775 г.). Для этого составлялись протоколы с представлением в Казань и Нижний Новгород о вы-

писке людей, зарегистрированных в посадских общинах Свияжской и Алатырской провинций, из прежних сословий и мест жительства [14]. Магистраты также определяли жителей в цехи. В документах чебоксарского магистрата за 1762 г. читаем: «Определение бывшей прапорщицы Прасковьи Тимофеевны дочери Кадниковой отпущенников Ивана Иванова, Андрея и Ивана Михайловых, Павла и Андрея Степановых с семействами в Чебоксарские цехи» [15]. В целом как показывает дело Максима Семенова за 1762 г., в ходе принятия человека в цех в магистрате оформлялось на него не менее 8 документов [16].

Повседневная жизнь посадских и цеховых проходила под надзором магистрата. Даже для того, чтобы жениться или выйти замуж, следовало получить на это согласие магистрата. В 1773 г. Алатырский провинциальный магистрат получил доношение от вдовы алатырского купца Лукерьи Алексеевой со следующей просьбой: «По младости своей желаю я, реченная, идти в замужество, токмо без дозволения Алатырского провинциального магистрата идти не смею, потому что как муж мой был ведомства оного алатырского магистрата, да и меня, реченную, в замужество взять никто не смеют же» [17]. Магистрат ответил на эту просьбу своим согласием.

Третья группа функций магистратов заключалась в судебном исполнительстве. К сожалению, вопрос о судебных функциях магистратов в современной литературе почти не поднимался. Надо полагать, что отсутствие литературы и незначительные источниковые показания говорят о том, что значение судебного исполнительства в делах магистрата исследуемых нами городов в 1722-1781 гг. было невелико. По свидетельству документов, члены магистрата судили посадских людей по гражданским делам. В этом отношении показательна «Ведомость интересных и челобитчиковых дел за 1721-1735 годы» Чебоксарского магистрата. В ней написано: «От правительствующего Сената в контору Чебоксарской ратуши ведомость и с того прошлого 719 году в оной ратуше интересных и челобитчиковых дел вступило и в каких делах... штрафов и пошлин взять довелось и сколько дел решено и по теперешним делам штрафов и пошлин взыскано, и еще взыскать надлежит». Почти все «интересные» дела начинаются одинаково – «по челобитию чебоксарского посадского человека», далее следует имя обидчика и сумма, подлежащая к взысканию. Например: «По челобитию чебоксарского посадского человека Андрея Киселева на чебоксарского посадского человека Ивана Сапожникова, в занятии места деда ево, Киселева, ценою в двадцать четыре рубли» [18]. С Ивана Сапожникова было взыскано 2 руб. 62 копейки». Денежные взыскания шли в казну магистрата.

В 1754 г. по указу от 5 мая были учреждены словесные суды. При каждом уездном магистрате выбирались 2 человека в год для исполнения судебных функций [19].

Итак, магистраты вершили письменный и словесный суд над посадскими людьми, т.е. людьми своего ведомства. Возникает вопрос: кто судил по каким-либо делам магистратских чинов? Основываясь на источниках, можно предположить несколько вариантов ответов. Первый вариант предлагает в качестве судьи Главный магистрат. В 1753 г. бургомистр Алатырского провинциального магистрата Гурьев отправил донос на президента Герасимова и бургомистра Яковлева «о непорядочных их поступках». Посредником между Главным магистратом и Алатырским провинциальным выступил Казанский губернский магистрат. Ответчики Герасимов и Яковлев были вызваны в Казань для допросов. Донос Гурьева был основан на следующих словах: «Токмо оной президент и ратман неведомо какого ради дела в магистрат не всходили, и сказали, чтоб его, Гурьева, ни в чем

не слушали и сторожу Ивану Щеглову чрез тех посланных приказали, чтоб его Гурьева, за судейский стол не допускать» [20]. На допросах и президент Герасимов, и бургомистр Яковлев отвечали, что это навет на них. Дело так и не было окончено, оно характеризует судебное делопроизводство не с самой лучшей стороны. Длительность решений, многочисленные остановки, постоянные сношения с Главным магистратом по мелочам не давали эффективно завершить суд. В конце концов, Главный магистрат разрешил ответчикам исполнять свои должностные обязанности, поскольку «в текущих по Алатырскому магистрату делах учинилась крайняя остановка», что грозило недоборами, недоимками, т.е. финансовыми потерями.

Второй вариант предлагает в качестве судей государственных чинов. В 1778 г. в г. Алатырь было возбуждено следствие по факту хищения денежной соляной казны президентом провинциального магистрата Федором Доморощенным «с товарищи». Следствие проводила Алатырская провинциальная канцелярия. В ходе него были допрошены практически все мещане города. В одном из допросных листов говорится: «Имеющаяся доимка причинена ни от чего иного, как от него, Доморощенова, ибо оной... амбары с казенною солью печатал, и на продажу сам отпускал, и денежную казну из ларцов и ящиков высыпал и во охранение за своею печатью имел один, потому, что в тогдашнем времени других в магистрате присутствующих не было» [21]. Алатырская провинциальная канцелярия решила дом и имущество Доморощенова отписать, а самого бывшего президента отдать на верные поруки с обязательством, что он никуда из города Алатырь не отлучится [22].

Итак, в первом случае следствие вел Главный магистрат, во втором – провинциальная канцелярия. На наш взгляд, подобное разделение объясняется очень просто. В деле президента Герасимова затрагивались сугубо внутренние проблемы субординации и личностные взаимоотношения, тогда как в связи с соляным хищением казна понесла большой урон – более 1000 руб. серебром. Поскольку своевременный сбор соляной денежной казны контролировал канцеляриями, то и расследованием дела занялись именно эти органы.

Говоря о судебных функциях, остается лишь заметить, что 11 декабря 1773 г. вышел указ о правилах выбора судей в магистратах и ратушах. Указом предписывалось соблюдать два условия. Первое из них заключалось в том, что обанкротившиеся, а также бывшие под следствием купцы не только не могли быть выбраны судьями, но и не допускались к выбору. Второе указывало на то, что при выборе судей в магистратах всех уровней присутствие воевод или губернаторов было обязательным [23].

Что касается выбора, собственно, магистратских чинов, то и в данном случае правила этого процесса были оформлены Главным регламентом и последующими указами. В фонде Алатырского провинциального магистрата содержится дело о выборах президента, бургомистров и ратманов в г. Алатырь в 1777 г. Как показывают материалы дела, все участвующие в выборах, подписывали текст клятвы, в которой говорилось, что выбор совершается «по чистой совести и беспристрастно». В именном списке баллотирования указаны 76 человек. Из них 27 человек в ходе продвижения этого вопроса были по разным причинам. В «подозрительных» числилось 6 человек, в «казенных должниках» – 8 человек, под следствием – 8 человек (чаще всего в делах, возбужденных по факту денежного долга перед казной), в «малоумных» – 2 человека, был ранее казенным должником – 1, бездомных – 2 человека. Итак, мы видим, что для баллотирования в «присутствующие» магистрата человек был обязан иметь недвижимое имущество, быть в здравом уме и не должен иметь долгов

по различным сборам. В процессе выборов были предложены 17 кандидатур из цеховых. В итоге президентом магистрата был выбран Андреян Загреков, бургомистром – Фрол Волков, ратманом – Филипп Фадеев из цеховых [24].

В помощь магистратским чинам выбирались старосты. В больших городах, таких, как Алатырь, Свияжск, Чебоксары, выбиралось по два человека, в маленьких – по одному. Судя по материалам одного из дел, старосты выбирались раз в год по два человека одновременно. Занимались они всеми текущими делами: наводили справки и разыскивали людей магистратского ведения по поручению магистрата, делились информацией о новых указах и новшествах, сборах и налогах с гражданами, подавали жалобы на магистрат [25]. Положение их следует признать двойственным: с одной стороны, старосты выражали чаяния простых горожан, с другой – в своих действиях они были подотчетны магистратам, следовательно, напрямую зависели от последних. Старосты за свою работу денег не получали, тогда как должности магистратских чинов хорошо оплачивались. По сведениям Л.М. Гавриловой, исследовавшей работу органов управления XVIII в. в г. Чебоксары, жалование бургомистра составляло 120 руб. в год (с вычетом пени – около 105 руб). Жалование ратмана равнялось 99 руб. 99 коп. (с вычетом пени – около 87 руб.) [26].

Провинциальные магистраты в год решали от 80-100 до 500 различных дел. Наибольший удельный вес в работе магистратов имело исполнение указов. Так, в Алатырском провинциальном магистрате 49% всего объема работы приходилось на исполнение указов, в 1746 г. этот показатель достиг 60%, в 1747 г. – 45%, в 1748 г. – 55%, в 1749 г. – 52%, в 1750 г. – 49%, в 1751 г. – 51%, в 1752 г. – 40,7%, в 1753 г. – 39%, в 1754 г. – 44% [27]. Таким образом, 40-50% приходилось на выполнение указов вышестоящих инстанций. Оставшаяся часть работы заключалась в рассмотрении промеморий, прошений и челобитных. Рабочая неделя в органах посадского самоуправления составляла 5-6 дней, воскресенье, а иногда и суббота были не рабочими днями. Рабочий день начинался с 6-8 утра и заканчивался в 14-16 часов дня, т.е. составлял 8 часов рабочего времени [28]. Бургомистры и ратманы должны были присутствовать в магистрате независимо от того, имелись дела, требующие их решения, или нет [29].

Для рассмотрения внутри посадских дел иногда собирались посадские сходы. Средняя посещаемость сходов не была высокой. По сведениям В.Д. Димитриева, например, в Чебоксарском посаде, насчитывавшем более 500 взрослых мужчин, на сходах участвовали: в мае 1744 г. – 84, в сентябре того же года – 36, в марте 1751 г. – 54, в апреле 1756 г. – 72, в марте 1759 – 77 человек. Следовательно, на сходах присутствовало лишь 7-15 % взрослого мужского населения посада [30].

Воеводы вмешивались в дела посадского самоуправления, несмотря на попытки правительства оградить посадские органы от подобного попирания их права самоуправления. Еще в регламенте Главного магистрата говорилось: «Понеже магистрат яко глава и начальство есть всему гражданству... того ради они губернаторам и воеводам не должны подчинены быть в том, что до градского суда и экономии касается» [31]. Основной функцией, как приказного начала, так и посадского самоуправления было обеспечение своевременного сбора налогов. Любая недоимка, накопившаяся за членами посадской общины (что было весьма нередко в XVIII в.), вела к вмешательству в дела магистрата воевод, поскольку именно последние опечатывали денежную казну и отправляли ее по адресатам.

Магистраты были несвободны не только от вмешательства государственных органов, но и страдали от мелочной опеки Главного магистрата. Последний распоряжался повседневной жизнью каждого магистрата. По инструкции, горо-

довые магистраты должны были «приборные деньги» (т.е. сверхтабельные доходы) тратить на основании госпиталей, школ. Но и в этом случае инициатива городского магистрата должна была получить одобрение в Главном магистрате. В 1745 г. эта практика получила законодательное оформление, когда указом от 19 сентября было приказано следующее: «Те приборные деньги оставлять в магистратах и ратушах, токмо им, тем магистратам и ратушам, собою без указов, ни на какие расходы отнюдь не держать» [32]. Тратить эти «приборные» деньги можно было только с ведома Главного магистрата на смирительные дома, госпитали, училища, чернила, свечи, дрова, починку и ремонт, но непременно консультируясь по каждому поводу с Главным и составляя сметы расходов. Конечно, в случае срочного мелкого ремонта, магистрат разрешал его проведение, а затем отправлял сообщение в Главный магистрат. Так, например, в 1748 г. по доношению чебоксарского вальдмейстера Семена Иванова «в Чебоксарах чрез реки и гати мосты построены и починены из приборных денег» [33]. Однако чаще встречалась обратная ситуация, когда сначала испрашивалось разрешение, потом производились необходимые работы. Иногда, даже приборные деньги, по закону остававшиеся в городской казне, в реальности подлежали отправке в Сенат. Например, в 1746 г. Алатырский провинциальный магистрат получил извещение, что все приборные деньги должны быть отправлены в Правительствующий сенат, на что алатырские чины, а вслед за ними и курмышские, и ядринские ответили, что «приборных не имеется» [34].

Подводя итоги, заметим, что магистраты занимались всеми текущими делами подведомственных им посадских общин (которые во всех городах провинций, за исключением Кокшайска, составляли большую часть населения). Роль магистратов в общественной жизни городов была неодинакова. Материалы делопроизводства магистратов показывают, что наибольший вес органы самоуправления имели в Алатыре и Чебоксарах, в остальных городах уровень политической активности был невысоким.

Магистраты собирали налоги со своих тяглецов, судили по гражданским делам, решали спорные вопросы между посадскими и другими категориями горожан. Таким образом, влияние магистратов на жизнь посадских общин было значительным, однако подлинной политической самостоятельности в уездных городах Свияжской и Алатырской провинций они не получили. Постоянное вмешательство органов государственного управления, строгий контроль и мелочная регламентация со стороны центральных органов власти не способствовали полноценному развитию посадского самоуправления.

Литература и источники

1. ПСЗ. Т. IV. № 2218.
2. Там же. Т. VI. № 3708.
3. Там же.
4. РГАДА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
5. Там же. Д. 28. Л. 3.
6. Там же. Д. 6. Л. 49-122.
7. ГИА ЧР. Ф. 94. Оп. 2. Д. 1227. Л. 5.
8. РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 38. Л. 8.
9. ПСЗ. Т. XI. № 6985.
10. ПСЗ. Т. XII. № 9208.
11. РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 899. Л. 2, Д. 1838. Л. 1-3; Д. 1847. Л. 1-10.
12. РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 216. Л. 1-15.
13. РГАДА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 2. Л. 171, 175, 188.
14. ГИА ЧР. Ф. 94. Оп. 2. Д. 496. Л. 4.

15. Там же. Д. 123. Л. 3.
16. РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 182. Л. 1-13.
17. Там же. Оп. 2. Д. 153. Л. 32.
18. РГАДА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 64. Л.1.
19. ПСЗ. Т. XIV. № 10222.
20. РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-12.
21. Там же. Д. 219. Л. 69 об.
22. Там же. Д. 233. Л. 3 -4.
23. ПСЗ. Т. XIX. № 14079.
24. РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 187. Л. 4-21.
25. Там же. Д. 84. Л. 1-107.
26. *Гаврилова Л.М.* Административная роль города Чебоксар в XVIII – первой половине XIX вв. // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1989. С. 30.
27. РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 144. Л. 21-29.
28. РГАДА. Ф. 814. Оп. 2. Д. 4. Л. 57; Д. 228. Л. 2; Ф. 795. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.
29. РГАДА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 23. Л. 15.
30. *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959. С. 336.
31. ПСЗ. Т. VI. № 3708.
32. ПСЗ. Т. XII. № 9208.
33. РГАДА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.
34. РГАДА. Ф. 814. Оп. 2. Д. 4. Л. 26.

СЕЛИВАНОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА родилась в 1976 г. Окончила исторический факультет и аспирантуру Чувашского государственного университета. Кандидат исторических наук, и.о. доцента кафедры источниковедения и архивоведения Чувашского университета. Автор 8 публикаций по истории городов Поволжского региона.
